

❧ МАРИНА ВЕТРОВА ❧

**Муж
для подруги.
Миллионы
оставлю себе!**

Марина Ветрова

**Муж для подруги.
Миллионы оставлю себе!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Муж для подруги. Миллионы оставлю себе! / М. Ветрова —
«Автор», 2026

Я проснулась на собственной подушке, пропитанной духами лучшей подруги. А потом увидела сообщение мужа: «Жду тебя. Дом пустой. Дети у бабушки». Десять лет брака. Двое детей. Общий бизнес. И женщина, которую я считала сестрой, в моей постели. Но измена оказалась лишь началом. Артём и Лера задумали отобрать мою недвижимость, вывести деньги семейного фонда и объявить меня неспособной воспитывать детей. Они уверены, что я ничего не замечу. Зря. Я архитектор. И прекрасно знаю, как рушатся здания, если выбить несущую опору. Теперь у меня есть доказательства, хороший адвокат и мужчина, готовый помочь. Бывший, готовься. Твою империю ждёт снос!

© Ветрова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Марина Ветрова

Муж для подруги. Миллионы оставлю себе!

Глава 1

Чужими духами пахла моя подушка.

Я ещё не открыла глаза, а уже знала чьими. Лера поливала себя «Black Orchid» так щедро, что после наших встреч приходилось проветривать машину. Однажды мы даже поссорились: я попросила её в следующий раз обойтись одним пшиком. «Это ты просто дорогих ароматов не понимаешь, Маринка». Вот сейчас, оказывается, представилась возможность понять поближе.

Наволочка была влажной под щекой. Я провела по ней пальцем, понюхала палец и села. Возле кровати стояли мои тапочки. На комод — вчерашний стакан воды. Артем лежал ко мне спиной и дышал носом, с лёгким посвистыванием. За десять лет я научилась спать под этот звук. Сегодня хотелось ударить его по плечу и потребовать: проснись, объясни, как это сюда попало.

— Твою мать.

Я стянула наволочку. Подушка сама почти не пахла; запах держался на ткани, на той стороне, которую я только что прижимала к лицу. Вывернула её, проверила шов. Зачем проверила — сама не знала. Искомый ответ в шве вряд ли нашёлся бы. Но руки были заняты, и я пока никого не ударила.

— Марин? — Артем повернул голову. — Что случилось? Опять кошмары?

Слово «опять» мне не понравилось даже больше, чем вопрос. Ночью я вернулась от мамы, легла и почти сразу уснула. Никаких кошмаров. До этого утра.

Он приподнялся на локте, посмотрел на наволочку в моих руках. Если сейчас произнести имя Леры, разговор получится коротким. Сначала: «Ты серьёзно?» Потом: «Я после таких обвинений вообще не хочу ничего обсуждать». Он умел заставить меня извиняться раньше, чем отвечал на вопрос.

— Что-то странно пахнет, — сказала я. — Ты не простыл?

Враньё получилось дурацкое. При простуде пахнет не тёмным шоколадом с цветами. Но мне нужно было ещё несколько секунд, а не немедленный скандал.

— Аллергия на пыльцу, наверное. Или побочка от таблеток. Ты вчера пила?

— Пила.

— Ну вот. Мы же обсуждали, что тебе нужно меньше нервничать. Ароматерапия может исказить восприятие.

Я посмотрела на окно. Ноябрь, двадцать второй этаж «Панорамы», мокрый снег на отливе. Пыльца. Конечно.

— Может быть.

Наволочку я бросила в корзину, поверх футболки. Артем поцеловал меня в макушку и отправился в душ. Вода зашумела почти сразу. Я ещё стояла у корзины, когда увидела на его тумбочке светящийся телефон. Он успел открыть мессенджер после будильника и оставил экран включённым.

Я взяла его двумя руками. Одной не получалось: большой палец промахивался мимо нужной строчки. В чате с Лерой было почти пусто. Артем обычно переписывался подолгу, за ужином, на красном свете, даже у детского бассейна. А тут — одно сообщение.

«Жду тебя сегодня, дом пустой. Дети у бабушки».

Вчера, 23:45. От него — ей.

Я сфотографировала экран своим телефоном. Первая фотография получилась размазанной. Сделала вторую и проверила, можно ли прочитать время. В ванной всё ещё шумела вода.

Вчера он задерживался на совещании с инвесторами. Так сказал мне в половине одиннадцатого, когда я позвонила из маминой кухни пожелать спокойной ночи. На фоне кто-то разговаривал. Я даже подумала: бедный, весь день с людьми, хоть вечером бы оставили в покое.

Мы с детьми остались ночевать у мамы. Под утро я вернулась — к раннему рабочему созвону, чтобы не будить их разговорами, — и легла досыпать. Он уже был в кровати. Меня обнял, что-то пробормотал. Всё было обычно.

Дом пустой.

Я перечитала ещё раз. В этой квартире у меня чертежи на кухне, Сонин медведь за батареей, Тимоновы танки по всему подоконнику. Но для него дом пустой, если можно привести сюда Леру.

Телефон положила на прежнее место экраном вверх. Дождалась, когда он погаснет. Очень хотелось открыть чат снова, пролистать ещё куда-нибудь, отыскать такое объяснение, которое отменит уже прочитанное. Вместо этого я вышла в коридор. Вторую фотографию отправила себе в почту. Если он схватит мой телефон, хоть там останется.

Мама привезла детей к завтраку, заглянула на часы и попросила закрыть за ней дверь: опаздывала по своим делам. Тимон сел рисовать танк рядом с тарелкой. Семь лет человеку, а вопросы бронирования и вооружения волнуют его гораздо сильнее каши. Соня пыталась накормить медведя, попадала ложкой мимо рта и сердилась на него.

— Мама, ты почему белая? — спросил Тимон.

Я поправила ему лист, чтобы угол не плавал в молоке.

— Не выпалась.

— У бабушки тоже не выпалась?

— Дома. Ешь, пожалуйста.

Артем вошёл уже в костюме. Я вчера забрала этот костюм из химчистки, проверила пуговицы и повесила на широкие плечики. Теперь заметила, как хорошо на нём сидит пиджак, и разозлилась ещё сильнее. Даже в такое утро я оцениваю, всё ли у него в порядке с одеждой.

Он встал сзади, положил ладонь мне на талию.

— Ты ела?

— Сейчас.

— На тебе лица нет.

В кармане у него нашёлся флакон капель. Два месяца назад он поставил такой в ванной: «Пригодится, когда опять заведёшься из-за ерунды». Мне тогда стало стыдно за собственную раздражительность. Я ещё спросила, не очень ли много ворчу в последнее время.

— Выпей. Тебе будет легче. Ты слишком остро реагируешь на мелочи, Марина. Это вредно для детей. Видишь, Соня смотрит на тебя испуганно.

Соня смотрела на флакон. Она хотела его взять, как любую маленькую бутылочку, которую увидела бы в руках взрослого. Я опередила её и забрала капли сама.

— Мне ничего не нужно.

В ящике лежали батарейки, резинки и пластиковая коробка от пластырей. Флакон ударился о коробку с громким стуком. Соня вздрогнула. Вот теперь испуганно — это я могла признать, без помощи мужа.

— Мои нервы в порядке, Артем. В отличие от некоторых людей, которые путают командировки с домашним теплом.

Он убрал руку с моей талии. Посмотрел на ящик. Потом на меня. Я даже услышала, как он стиснул зубы.

— Острота слов не красит тебя, дорогая.

Сказал «дорогая» при детях, как будто мы только что обменялись милыми шутками. Забрал кофе в дорожный стакан и ушёл. В прихожей грохнула дверь.

Тимон перестал рисовать.

— Папа сердится?

— Опаздывает.

Мне пришлось быстро отвернуться к плите. Я только что ответила сыну так, как ответил бы Артем. Удобно, коротко, без того, что произошло на самом деле. Кашу я помешивала уже остывшую. Соскребала с края кастрюли и думала: он заметил. Что именно — не знаю, но заметил. Теперь начнёт спрашивать, где я была и с кем говорила. Нужно хотя бы на работе не растерять голову.

В «СтройИнвесте» до планерки оставалось десять минут. Я разложила чертежи жилого комплекса, над которым возилась полгода, и не могла найти нужный разрез. Лист лежал сверху. Просто я смотрела на него и думала совсем о другом.

Артем финансировал проект. По вечерам мы обсуждали, как будет выглядеть двор, спорили о паркинге и вместе считали затраты. Я считала это нашим делом. Даже любила эти споры. Сейчас мне нужно было идти в переговорную и объяснять коллегам решения, а я не помнила, что собиралась сказать первым.

На телефоне высветилось «Лера *эмоذجи сердечко*».

Сердечко я поставила сама, после её дня рождения. Удалить бы его, прежде чем ответить. Вместо этого нажала на зелёную кнопку и отвернулась к окну.

— Привет, зайка! Ты видела мои новые сторис? Там такой трендовый макияж!

— Видела. Поздравляю.

— С чем?

— С макияжем.

Она помолчала. Я слышала, как щёлкнул колпачок чего-то маленького. Помады? Лера умела разговаривать со мной и параллельно краситься, подбирать серьги, снимать себя. Раньше это казалось забавным.

— Слушай, а как Артем? Вчера он был так зол, когда возвращался домой. Говорил, что работа отнимает все силы. Ты его не перегружаешь? Может, стоит взять выходные вместе? У нас же спа, помнишь?

Я поставила ручку на чертёж остриём вниз и только потом заметила, что проткнула бумагу.

— Откуда ты знаешь, что он был зол?

— Ну, мы же общаемся. Марин, ты чего?

Планерка через две минуты. За стеклянной стеной коллеги ставили стулья. Денис махнул мне: идём? Я показала, что сейчас.

— Детали личной жизни моего мужа меня не интересуют в таком формате, Лера. И планы на выходные могут измениться. Извини, работа.

Сбросила звонок, прежде чем она успела спросить, в каком ещё формате мне их подавать. На пальце была вмятина от ручки. Лера знала, как он вчера возвращался домой. Я знала, что у него трудное совещание. Две разные жены у одного человека, что ли? Только одна пока называется подругой.

— Марина, всё в порядке? — Денис стоял у двери переговорной.

— Да. Давай начнём с паркинга.

Это был единственный вопрос, на который я могла отвечать без слёз. На нём я и продержалась первые двадцать минут.

Глава 2

Проверку качества на объекте перенесли. Я уехала из офиса раньше и даже не стала предупреждать Артема. Формально мне никого предупреждать не требовалось. Однако телефон дважды доставала из сумки: привычка оказалась сильнее здравого смысла.

Дома было тихо. Няня увела детей гулять после обеда, муж должен был встречаться с заказчиком. Я прошла по комнатам и остановилась у гостевого дивана.

На нём лежал фиолетовый шарфик. Тонкий шёлк, бахрома, маленькая затяжка у края. Лера сама жаловалась мне на эту затяжку: дорогая вещь, а зацепила новым браслетом в первый же день.

Она приезжала к нам в нём в прошлом сезоне. Сняла куртку, шарф оставила на стуле. Артем тогда всё убрал, даже предложил ей тапочки. Я подумала: как хорошо, когда муж приветлив с твоими друзьями. А теперь пытаюсь вспомнить — шарф с того ужина мог пролежать тут столько времени? Мы ведь убрали, раскладывали диван для гостей. Я сама меняла на нём покрывало.

Наклонилась. Снова духи. Я даже задержала дыхание, чтобы не тошнило.

Захотелось выкинуть шарфик в мусоропровод, потом позвонить ей и сообщить, куда идти за дорогой вещью. Хорошая была бы минута. Дальше что? Они бы посмеялись над моим звонком, а я осталась без шарфа и без возможности спросить кого-то постороннего, что всё это значит.

В кухонном шкафу нашёлся зип-пакет. Я взяла шарфик за угол, сложила в него, подписала на листке дату и время. Пакет убрала в сейф, между договором на квартиру и свидетельствами детей. Закрыла дверцу, проверила замок. Стояла ещё минуту с ключом в руке.

Шарфик сам по себе ничего не доказывал. Я понимала это. Но он теперь лежал там, где я могла его найти. Хотя бы одна вещь в сегодняшнем дне находилась на своём месте.

Ночью Артем уснул первым. Я смотрела, как темнеют окна в соседней башне, и пыталась подсчитать, когда мы в последний раз говорили о чём-нибудь кроме детей, работы и моей усталости. Не получилось. Обида мешала вспоминать даже хорошее; всё хотелось объявить ложью задним числом.

В ванной я включила маленькую лампу над зеркалом. Под ней всегда некрасивые тени под глазами. Я давно обещала заменить светильник, даже подобрала другой. Почему-то именно про него и подумала: опять не успела сделать для себя такую мелочь.

Умылась холодной водой. Посмотрела на себя. Никакого нового лица в зеркале не появилось. Всё та же я, тридцать два года, две складки от подушки на щеке. Эта женщина умеет вести проект и успокаивать ребёнка с температурой. Вот с собственным браком разобраться пока не сумела.

Таблетки, которые он приносит. Деньги, за которые я отчитываюсь, хотя зарабатываю сама. Его «ты сейчас не в состоянии решать», сказанное уже столько раз, что я стала переносить важные разговоры на потом. Может, я и правда устала. Но усталость не объясняла сообщение Лере.

Что, если дело не только в ней? Я вспомнила, как охотно Артем предлагает подписывать бумаги за меня: «Тебе же некогда вникать». Завтра надо проверить и бумаги. Для начала — не соглашаться автоматически на всё, что он принесёт.

Вернулась к кровати. Он спал с ладонью под щекой. Десять лет мне хотелось лечь рядом и обнять его; сейчас я прикидывала, сколько времени он оставит мне завтра без своего надзора. Этого времени должно хватить, чтобы найти помощь.

Я ждала, пока Артем крепче уснёт, чтобы выйти из спальни. Приоткрыла дверь, придерживая ручку: она щёлкала, если просто отпустить. Оказывается, он тоже ждал. Матрас заскрипел, и муж поднялся следом.

— Ты чего такая дёрганая?

Он обнял меня со спины, подбородок положил мне на макушку. Обычно я поднимала плечо, чтобы устроить его поудобнее. Сейчас замерла. До кухни пять шагов, а мне нужно получить разрешение даже на них.

В зеркале трюмо было видно нас обоих. Домашняя, почти милая картинка. Только я держалась за дверную ручку, и он никак не разжимал пальцы у меня на животе.

— Плохо спала. Голова раскалывается.

— Ты же вчера рано легла.

— Ну и что?

Мне удалось не выдернуть себя из его рук. Я даже добавила про погоду, будто мы правда обсуждали моё самочувствие. Артем отпустил, но остался у двери. Пришлось протиснуться мимо боком.

Про шарфик он ничего не спросил. И это почему-то тревожило. Вчера я закрыла сейф, проверила ключ. Но сейф был общий. Он мог заглянуть туда за документами и найти пакет. Тогда всё это утреннее обнимание — уже после находки? Или я теперь буду придумывать скрытый смысл каждому его движению?

На кухне Тимон стукнул ложкой по тарелке: каша не хотела остывать с нужной скоростью. Соня потребовала сок. Я поставила перед ней красный стакан — и началось. Нужен синий, потому что красный медведю, мама опять всё перепутала.

— Ничего мама не перепутала, — сказала я, хотя перепутала. — Сейчас заменим.

Отмыла синий стакан. Вытерла край, перелила сок. Всё то же самое, что вчера, позавчера и много раз до этого. За такую простую задачу я даже была благодарна дочери: здесь существовало понятное решение. Ей понравился синий стакан, и она успокоилась.

На спинке соседнего стула висела куртка Артема. Я провела по воротнику, потом сунула руку во внутренний карман. Пусто. Следующее движение остановить не успела: поднесла пальцы к носу.

Духи. Слабее, чем на подушке, но те же.

— Марин.

Муж стоял за спиной. Я выронила край куртки, и он увидел, что делала. Врать про погоду уже не помогло бы.

— У тебя снова аллергия? — Он положил руку мне на плечо. — Ты же знаешь, я не переношу эти синтетические ароматы. Клиенты в офисе... Некоторые женщины совсем не следят за гигиеной.

— Духи — это не гигиена.

— Вот именно. Зачем ты тогда нюхаешь мою куртку?

Тимон посмотрел на нас поверх тарелки. Я села, отломила кусок хлеба, чтобы хоть чем-то занять рот. Хлеб прилип к нёбу. Потребовался глоток воды, прежде чем удалось ответить.

— Голова кругом. От запаха.

— Выпей свои таблетки.

Он вернулся к кофемашине. А я при сыне опять называла проблему головой. Как будто вчера не увидела сообщение. Как будто скриншот в почте сам себя придумал. До чего же легко человеку сказать «у тебя аллергия», если он не собирается отвечать на другой вопрос.

Вечером Артем предложил суши и наш сериал. Дети лягут рано, мы наконец побудем вдвоём. Он говорил об этом, пока листал меню доставки, и я невольно вспомнила, как радовалась таким вечерам. Можно перестать быть деловой женщиной, мамой, хозяйкой, просто прилечь к мужу и заснуть на третьей серии.

Сейчас мне нужно было уйти из квартиры хоть на час. Побывать там, где не придётся следить за выражением лица.

— Закажи, — сказала я. — Я сначала отвезу детей к маме до утра. И пройду по магазинам. У тебя скоро день рождения, хочу подарок посмотреть.

— С такой головой?

— Потому и хочу пройтись.

Он оторвался от телефона. Я уже подготовила объяснение: детям давно обещала, мама завтра свободна, подарок через интернет выбирать не хочу. Артем слушать его не стал.

— Хорошо. Только к девяти вернись.

Слишком быстро согласился. Я сгребла Сонины вещи в сумку и поймала себя на желании отменить поездку. Остаться, посмотреть, кто придёт. Но тогда я бы сидела весь вечер рядом с ним и ждала, а он смотрел бы сериал и спрашивал, почему я такая напряжённая.

Пусть у меня будут хотя бы эти два часа.

У маминого дома я припарковалась и набрала Леру. Имя выбирать из контактов не понадобилось — номер я знала наизусть. Десять лет звонков: какая обувь к этому платью, что купить ребёнку, как пережить очередную её ссору с мужчиной. Сейчас я хотела задать ей совсем другой вопрос. Но начну с платья. Послушаю, что ответит.

— Аллю?

У неё кто-то смеялся рядом, звякнули бокалы. Я почему-то представила именно мужской бокал, тяжёлый, для виски. Хотя по одному звуку такого не определить.

— Лер, завтра деловой обед. Поможешь с образом? Надо выглядеть прилично, а у меня после бессонницы...

Она молчала, и я успела убрать из своего голоса просительную интонацию. Попросила о привычной мелочи, а уже чувствую, что помешала.

— Марина, я занята. Позже напишу.

И отключилась.

Я положила телефон на сиденье. Через стекло посмотрела на подъезд, на горящую лампу у входа. Надо вылезать, дети уже отстегнулись, Тимон шуршит сумкой. А я всё перебирала в памяти Лерины слова за последние месяцы. «Какой он у тебя надёжный». «Артем ценит женщин с характером, но мягких в постели». Я ещё тогда спросила, откуда такая экспертность, и мы посмеялись. Теперь не смешно.

— Медведь тоже пойдёт? — Соня тронула меня за плечо.

Я ответила только с третьего раза. Конечно пойдёт. Кто же будет спать в красном стакане, если оставить его дома? Дочь объяснила, что в стакане никто не спит. Я кивнула. Детские правила я пока понимала лучше взрослых.

Мама посмотрела на меня внимательно, но спрашивать при детях не стала. Я сказала, что просто устала, оставила их и уехала. До девяти ещё успевала. Подержала в руках три рубашки в магазине и вышла, ничего не купив.

Глава 3

Артем открыл дверь с букетом белых роз.

— Для самой красивой мамы.

Я взяла цветы. Мокрая обёртка коснулась запястья, под рукав натекла вода. Муж улыбался так, будто я сейчас должна улыбнуться в ответ и всё у нас закончится хорошо. Розы были свежие. Купил сам? Заказал, пока меня не было? Откуда мне теперь знать, на что рассчитана даже эта приятная вещь.

— Спасибо.

Он посмотрел через моё плечо в коридор. Я тоже обернулась. Лифт закрылся, возле соседской двери стояли аккуратно выставленные ботинки. Никого. Муж запер дверь и пошёл за вазой. Я осталась держать букет, из которого по-прежнему текло мне в рукав.

В ванной розы легли на тумбочку. Я сняла кофту и долго пыталась оттереть с шеи запах, хотя знала, что он не на мне. В зеркале было бледное лицо, чуть распухшие веки. Я могла представить здесь Леру, перед этим же зеркалом, с моей расчёской в руке. Представляла, пока не стало совсем плохо.

«Я схожу с ума», — сказала отражению.

И разозлилась. Опять его слова. Мне даже не нужно присутствие Артема, я сама прекрасно рассказываю себе о собственной ненормальности.

В шкафчике стоял пузырёк, купленный им две недели назад. «Для аллергии». «Чтобы ты лучше спала». Я повернула его к свету. Название было мне незнакомо. Вложенную инструкцию пришлось развернуть над раковиной — длинный лист, мелкие буквы, сгибы истёрлись.

Сонливость. Снижение скорости реакции. Вот это я прочитала без всякого медицинского образования. Артем говорил, что от них я буду бодрее.

Высыпала несколько таблеток в ладонь. Белые круглые таблетки, в точности похожие на множество других. По виду никто ничего не установит, и я тоже. Надо показать инструкцию врачу. Спросить самой, что мне дали и почему меня с утра словно недосыпанную принесли к рабочему столу.

Он ведь ещё упрекал: «Марина, ты опять засыпаешь над чертежами». Я извинялась. Обещала лечь пораньше. После таблетки спала дольше и просыпалась разбитой, а он предлагал следующую.

Прижала ладонь с таблетками к себе, чтобы не рассыпать. Если стисну кулак, мелкие кружочки треснут, тогда опять не пойму, что в них. Край раковины под другой рукой был прохладным. На него я и опиралась, когда дверь открылась без стука.

— Марина, ты истеришь.

Артем остановился на пороге. Он видел пузырёк, видел инструкцию и почему-то говорил про истерику, хотя я ещё ничего не сказала.

— Что это за лекарство?

— Для сна. Мы обсуждали.

— Ты сказал, для аллергии.

Он забрал пузырёк, придержал мою руку и ссыпал таблетки обратно. Я смотрела, как он завинчивает крышку. Делал всё аккуратно, как будто спасал меня от собственной рассеянности.

— Ты не можешь контролировать жизнь, если не спишь. Становишься раздражительной, небрежной. Давай я сам буду давать их тебе по расписанию. Так будет лучше для всех.

Для всех. Дети тоже сюда включены, конечно. Ему вообще удобно говорить за всех.

Он встал ближе, взял моё лицо в ладони. Я стояла между ним и раковиной. Отступить было некуда, но это он не называл контролем. Большие пальцы провёл по скулам, задержал у подбородка.

— Ты моя жена, Марина. Я знаю, что для тебя лучше.

Поцеловал в лоб. Когда-то я просила его о таком поцелуе перед трудным днём. Сегодня он означал: вопрос закрыт, можешь больше не спрашивать. Лекарство, кстати, осталось у него.

Хотелось сказать: убери руки. Верни пузырьёк. Дай прочитать инструкцию до конца. А потом — спросить про сообщение и подушку. Я даже вдохнула, чтобы начать. Он ждал, посмотрев мне в глаза, и я поняла, как мало получу от этого разговора. Новую порцию объяснений. Возможно, запрет ездить к матери одной.

— Хорошо, — сказала я. — Как скажешь.

Артем отпустил лицо, улыбнулся и ушёл. Я присела на край ванны. Инструкция лежала возле крана, он о ней забыл. Сфотографировала её. Долго пыталась сложить по старым сгибам, потом бросила в шкафчик как получилось. Хватит уже прятать каждую мелочь, будто я в чужом доме.

В кровати лежала к нему спиной и не могла заснуть. Если повернусь, он, возможно, обнимет. Я знала, как именно: ладонь на живот, колено за мои колени. Знала и то, что буду ждать, когда он уберёт руку.

Телефон достала из-под подушки, убавила яркость. Контакт Виктора сохранился со старого проекта. Он проверял подрядчика, нашёл поддельные счета раньше нашей бухгалтерии. С Артемом не дружил. Со мной тоже — просто работали вместе. Сейчас это даже хорошо: никто не начнёт объяснять, какой муж у меня на самом деле замечательный.

Написала: «Нужен детектив. Срочно. Дело касается жизни и смерти».

Посмотрела на слова «жизни и смерти». Перебор? Хотела стереть, но оставила. Это была моя жизнь, и я уже сомневалась, могу ли в ней сама выбирать лекарства. Отправила.

Телефон убрала под подушку. Рядом засопел Артем, повернулся на другой бок. Я ждала ответа Виктора, прислушиваясь к его дыханию, и впервые за этот день знала, чего жду. Не признания от мужа. Человека, который согласится выслушать меня без слова «истерика».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.